

Федотов Давид Сергеевич

соискатель кафедры политологии, социологии и теологии
Пятигорский государственный лингвистический университет

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ПРЕОДОЛЕНИЯ КЛЮЧЕВЫХ УГРОЗ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЮЖНОМ РЕГИОНЕ

Эскалация экстремистской и террористической деятельности в Кавказском регионе вызвана, прежде всего, геополитическими факторами - усилением тенденций силового противостояния крупных мировых держав, их конфликтами по поводу использования и транспорта углеводородов, борьбой за доминирование на Южном Кавказе.

Противоречия и конкурентность локальных и мировой экономических систем формировали у государств Южного региона прозападную ориентацию или - в лучшем случае - многовекторную политику. Благоприятная экономическая конъюнктура позволяла России претендовать на значительные позиции в регионе. Однако расширение экономического кризиса в Российской Федерации и отсутствие необходимых ресурсов по влиянию на геополитических партнеров вынуждают российскую элиту в значительной степени ограничить свои амбиции.

В последнее время серьезно активизировалось воздействие ислама и его политических доктрин. В отличие от православия ислам - это не просто религия, а религиозно окрашенный общественный порядок. В цивилизационном противостоянии с панамериканизмом он обладает определенным мобилизующим эффектом. В северокавказских республиках привлекательность смыслообразующих и социально-политических практик ислама имела особое значение, прежде всего для молодежи. Для новообращенных сторонников перестают существовать авторитет старшего, даже родителей, поскольку в глазах молодого поколения они утрачивают ценность образца духовной и политической культуры, способствующей социальной и духовной самореализации. Вопрос вообще стоит шире - о проблеме политической и социокультурной идентичности северокавказских народов. Остается открытым вопрос о том, является ли их идентичностью ислам, и это при том, что большинство населения относит себя к мусульманам. Коллизия двух идентичностей - исламской

и русско-европейской - во многом определяет сегодняшнюю действительность на северокавказском направлении. Многочисленные силы пытаются изменить ситуацию и насильственно насадить ислам, причем в его фундаменталистской версии. Исламский и любой другой религиозный фундаментализм является реакцией на чрезмерную прагматизацию политических целей, которые оторваны от духовных и национальных ценностей и в долгосрочной перспективе не способны дать людям социальную гармонию и смыслополагающую определенность. Такого рода фундаменталистский ответ всегда вырождается в экстремизм и терроризм.

В то же время не наблюдалась внятная экономическая политика, как руководства республик, так и центра в отношении перспектив развития народного хозяйства северокавказских территорий. Более того, при усилении влияния потребительских ценностей наблюдался процесс социально-экономической деградации. Развитие экономики во многом обеспечивалось предпринимательской активностью малого и среднего бизнеса со всеми издержками этого вида бизнеса в России. Но эта активность вряд ли могла в перспективе «переварить» растущую социальную активность молодого поколения. Отсюда может исходить угроза нарастания национализма, шовинизма и религиозного фундаментализма как реакции на нерешенные проблемы. Подобные явления губительны для полиэтничных государств, их эффект, как правило, бывает обратным ожидаемому: нарастают сепаратистские тенденции, позиции становятся непримиримыми, у этнических групп, ощущающих себя жертвами шовинизма, формируется готовность бороться за свободу любой ценой, происходит маргинализации сознания различных слоев населения [1, с. 38-39].

Вследствие коррупции, пронизывающей все ветви и уровни власти в регионе, невозможно проведение каких бы то ни было реформ, даже столь необходимых региону, как земельная и муниципальная. Несмотря на объявленную победу в Чечне (2004), северо-восток Кавказа не перестал быть зоной военно-политической нестабильности. В последние годы набирает обороты религиозный экстремизм. Все больше молодых людей становятся приверженцами салафизма. Новые мечети, открывающиеся в регионе, заполняются радикалами. Происходит постепенное разделение общества по религиозно-возрастному признаку [2, с.354].

Меры, предпринятые государством, не могли привести к стабилизации обстановки, так как представляли собой «палестинизацию» Кавказа, т.е. регион был отдан де-факто «на откуп» местным элитам и обмен на абсолютную лояльность, и обеспечение правильного исхода выборов всех уровней.

Назрела необходимость смены политических лидеров и ту часть местных элит, которые скомпрометировали себя коррупцией, симпатиями к сепаратистам (в прошлом), нарушением законов и т.д. Нужно приложить максимум усилий к изменению миграционных потоков, поскольку представляется совершенно неприемлемой дерусификация ряда республик. Массовый исход местного населения - ярчайшее свидетельство неблагополучия региона, которое пытаются скрыть за благостной телекартинкой. Борьба с бедностью и «серыми» зарплатами также должна стать политическим приоритетом в деятельности нового полпреда и его аппарата.

Постепенно нужно отказываться от национально-территориального устройства региона и принципа этнического квотирования в формировании властных структур. Возможно, для движения в этом направлении потребуется определенный переходный

период. Не исключено, что он будет сопряжен с многочисленными конфликтами, в том числе внутри элиты. Однако иного пути для оздоровления ситуации, на мой взгляд, просто не существует. Нужно сформировать идентичность более высокого уровня (сначала регионального, затем общенационального), чтобы названные выше внутренние факторы дестабилизации ситуации стали менее значимыми и, как следствие, менее опасными для общественной стабильности.

Южно-российский макрорегион включает в себя сильно различающиеся территории - субъекты Федерации, поэтому «ключевые угрозы» в них разные (под «ключевыми» будем понимать те угрозы, от которых в наибольшей мере зависит купирование сопредельных опасностей). В республиках с постконфликтной ситуацией первая угроза - это реанимация насильственных действий, опасность терроризма. Вторая угроза - разбалансированность деятельности властных структур - федеральных, в том числе силовых, и региональных органов власти, республиканских и местных, муниципальных (там, где они сформированы). Третья угроза - занятость значительной части трудоспособного населения, особенно молодежи. Четвертая угроза - состояние системы образования, неподготовленность преподавательского состава и учебников, материально-технической базы для современного школьного и вузовского образования. В эти территории нужны экономические инъекции, но они дадут эффект только при наличии соответствующего кадрового потенциала, специалистов, а не просто людей с дипломами, полученными за деньги или в результате связей [3, с.6; 6.с.275].

В субъектах Федерации, не переживавших затяжных насильственных конфликтов, «ключевые угрозы» - слабая дееспособность и коррумпированность власти, инерционность экономики, отсутствие привлекательных видов труда для молодежи, ее неполная занятость, столкновение с резкой социальной дифференциацией, с несправедливостями в жизни, что провоцирует рост экстремизма.

Таким образом, эффективное управление региональными социумами с разной социально-политической ситуацией требует сосредоточения усилий на разных направлениях.

Терроризм и экстремизм в самых различных формах является основной базой терроризма. Религиозная форма экстремизма наиболее ярко выражена; она тесно связана с идеологией и политикой сепаратизма, проводимой определенными группами, в том числе с международной поддержкой. Ситуация усугубляется взаимными территориальными претензиями между отдельными республиками Северного Кавказа и к некоторым другим субъектам РФ [3,с.7; 4,с.98-99].

Коррупция на Северном Кавказе приняла такие масштабы (сетевой характер), что даже в насковзь коррумпированной России она совершенно ни с чем несравнима. Она фактически содержит теневую структуру взаимоотношений федерального центра и корпораций с влиятельными кланами (тейпами) и бюрократий северокавказских республик.

Вытеснение русскоязычного и вообще некоренного населения и в то же время проникновение представителей отдельных кланов в столицу и другие регионы России, распространение своего влияния в этих регионах, в том числе с целью возбуждения экстремизма [5, с.57].

Главным должны стать мероприятия по последовательной борьбе с коррупцией в

органах власти с учетом этноклановости ее в республиках и особых взаимоотношений с федеральными структурами.

России надо искать более гибкие средства своего влияния в южном регионе: опираться более на интегративные экономические процессы и проекты, выстраивать более тонкие геополитические модели активности и интеграции, причем данные проекты не должны претендовать на всеобщность, противопоставляться НАТО.

Таким образом, разумное соединение общенациональных и коммерческих интересов, прозрачность и открытость в принятии стратегических решений, подконтрольность властных органов гражданскому обществу и праву, ограничение коррумпированных и теневых практик в осуществлении администрирования, грамотное соединение политики, опирающейся действительно на учет интересов больших социальных групп, с эффективным управлением могут дать позитивный результат, снизить политизацию этнических процессов, ослабить напряженность социокультурных расколов.

Литература

1. Григорьева Ю.Г. Проблемы прогнозирования конфликтов и северо-кавказские реалии: теоретические угрозы и прикладные вопросы, // Аналитические записки. Конфликтный потенциал и процессы трансформации в Кавказском регионе. - М.: МГИМО-Университет; Центр Кавказских исследований, 2006. - С. 38-39.
2. Дергачев В.А. Геополитика. М.: ЮНИТИ. 2004. - С. 354.
3. Дмитриев А.В. Юг России конфликтологическая экспертиза.- М., 2010.- С. 6-7.
4. Кувалдин В.Б. Глобализация и новый миропорядок // Современные международные отношения и мировая политика. М.: Просвещение, 2009. - С. 98-99.
5. Макаренко И.К., Морозов В.С. Военная безопасность государства: сущность, структура и пути обеспечения на современном этапе.- М., 2000.- С.57.
6. Панарин АС. Глобальное политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2000. - С. 275.